

Provisional

For participants only

26 December 2018

Russian

Original: English

Комиссия международного права
Семидесятая сессия (вторая часть)**Предварительный краткий отчет о 3427-м заседании,**
состоявшемся в Дворце Наций, Женева, в среду,
11 июля 2018 года, в 10 ч 00 мин**Содержание**Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами (*продолжение*)

Поправки к настоящему отчету должны представляться на одном из рабочих языков. Они должны быть изложены в пояснительной записке, а также внесены в один из экземпляров отчета. Поправки следует направлять *в течение двух недель с момента выпуска настоящего документа* в Секцию английского письменного перевода, комната E.6040, Дворец Наций, Женева (trad_sec_eng@un.org).

GE.18-11637 (R) 241218 261218

* 1 8 1 1 6 3 7 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Присутствуют:

Председатель: г-н Валенсия-Оспина
Члены: г-н Аргуэльо Гомес
г-н Вако
г-н Васкес-Бермудес
сэр Майкл Вуд
г-жа Галван Телиш
г-н Гомес-Робледо
г-н Гроссман Гилофф
г-н Джалло
г-н Загайнов
г-н Лараба
г-жа Лехто
г-н Мерфи
г-н Мурасэ
г-н Нгуен
г-н Нольте
г-н Пак
г-н Петер
г-н Петрич
г-жа Орал
г-н Раджпут
г-н Райниш
г-н Руда Сантолариа
г-н Сабоя
г-н Сиссе
г-н Тлади
г-н Уаззани Шахди
г-н Хассуна
г-н Хмуд
г-н Хуан
г-н Штурма
г-жа Эскобар Эрнандес

Секретариат:

г-н Ллуэллин секретарь Комиссии

Заседание открывается в 10 ч 05 мин.

Защита окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами (пункт 7 повестки дня) (*продолжение*) (A/CN.4/720)

Председатель предлагает Комиссии возобновить рассмотрение первого доклада Специального докладчика о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами.

Г-н Нгуен говорит, что одна из первостепенных целей доклада заключается в том, чтобы внести ясность в вопрос о защите окружающей среды в условиях оккупации, с тем чтобы заполнить существующий пробел в нормах, регулирующих режим оккупации, где положения о защите окружающей среды носят в основном опосредованный характер. Специальный докладчик столкнулся с трудностями, сопряженными с требованием не стремиться менять право вооруженных конфликтов и развивать право вооруженных конфликтов в сочетании с нормами международного гуманитарного права, международными нормами в области прав человека, нормами международного экологического права и других отраслей права. Концепции «оккупации» и «окружающей среды» необходимо рассматривать с учетом терминов «после вооруженного конфликта» и «природная среда», используемых в докладах бывшего Специального докладчика по этой теме г-жи Якобссон. Кроме того, существует необходимость обеспечения единообразия в употреблении терминов «нормы права, регулирующие режим оккупации», «право вооруженных конфликтов» и «нормы права, применяемые в период вооруженных конфликтов».

Существовали различные определения понятия оккупации начиная со статьи 42 Положений о законах и обычаях сухопутной войны (Гаагское положение) 1907 года и кончая решениями Международного трибунала по бывшей Югославии и Комиссии по рассмотрению взаимных претензий Эфиопии и Эритреи и комментарием Международного комитета Красного Креста от 2016 года по общей статье 2 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (первая Женевская конвенция). Традиционно в праве вооруженных конфликтов «оккупация» сопряжена с вторжением и установлением на оккупированной территории власти неприятельской армии, которая не встретила никакого вооруженного сопротивления. Тем не менее понятие оккупации следует обновить, чтобы оно отражало недавние конфликты, поскольку военные действия иногда могут продолжаться даже тогда, когда не было никакого вооруженного сопротивления. В некоторых конфликтах, таких как война во Вьетнаме или ситуация в секторе Газа, оккупирующая держава осуществляла контроль днем, а группы сопротивления осуществляли фактический контроль ночью. Способность оккупирующих государств выполнять свои обязательства по защите окружающей среды оккупированной территории была еще больше осложнена многообразием международных и немеждународных вооруженных конфликтов.

Вообще говоря, оккупацию можно было бы определить как присутствие иностранных войск на территории государства без согласия последнего. Оккупационные силы могут быть армией какого-либо государства или коалиции государств, или даже армией, предоставленной в распоряжение Организации Объединенных Наций для поддержания международного мира и безопасности. Последний сценарий, когда оккупационная армия предоставляется в распоряжение международной организации, стал потенциально новым явлением права вооруженных конфликтов, и его следует рассмотреть в рамках текущей темы.

Контроль над некоторыми частями оккупированной территории может осуществляться неким местным ставленником, выступающим от имени оккупирующего государства, но в центре внимания проектов принципов 19, 20 и 21 находятся только обязанности оккупирующих государств. По его мнению, проекты принципов должны охватывать разные обязанности оккупирующих государств и других сторон во время оккупации. Постконфликтный этап распространяется на весь период оккупации, независимо от того, каким он был - коротким или длительным. Он предлагает употреблять в проектах принципов нейтральные термины: «оккупирующая держава» или «оккупационная администрация», вместо

«оккупирующего государства». Он уверен, что г-н Пак также считает, что для замены словосочетания «оккупирующее государство» следует найти подходящий термин.

В своем втором докладе по этой теме (A/CN.4/700) предыдущий Специальный докладчик отметила, что ситуации оккупации сводятся не только к постконфликтному этапу вооруженного конфликта. Поскольку право, регулирующее режим оккупации, шире права вооруженных конфликтов, ситуации оккупации как часть постконфликтного этапа охватываются правом вооруженных конфликтов. В этом смысле он согласен с приведенным в пункте 27 утверждением Специального докладчика о том, что «нормы, регулирующие режим оккупации, представляют собой конкретный корпус правовых норм, являющийся частью права вооруженных конфликтов». Соответственно, правовые последствия оккупации, такие как компенсация за действия, нанесшие ущерб окружающей среде во время оккупации, могли бы быть рассмотрены в соответствии с нормами права вооруженных конфликтов, даже если оккупация закончилась. Хорошим примером этого была обработка требований Компенсационной комиссией Организации Объединенных Наций для установления компенсации в связи с потерями, понесенными в результате вторжения Ирака и оккупации Кувейта. Данный момент следует учесть, чтобы обеспечить единообразие в употреблении терминов двумя специальными докладчиками и избежать фрагментации права. Проекты принципов 19–21 следует согласовать с проектом принципа 2, предусматривающего, что «настоящие проекты принципов направлены на усиление защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами».

Право вооруженных конфликтов, которое предшествовало экологическому праву, нацелено на защиту физических лиц. Специальный докладчик великолепно проанализировала взаимосвязь между правом вооруженных конфликтов и гуманитарным правом, права человека и права окружающей среды в разделах доклада, посвященных праву на здоровье и рациональному использованию естественных ресурсов. Что касается устойчивого развития, то право жить в «чистой окружающей среде» теперь должно быть обеспечено во всех ситуациях, даже в условиях вооруженных конфликтов. Обязательство по защите окружающей среды и содействию устойчивому развитию выкристаллизовалось в многосторонних конвенциях и практике государств. В доклад следует включить больше ссылок на многосторонние соглашения, связанные с устойчивым развитием, такие как Хартия экономических прав и обязанностей государств 1974 года, Йоханнесбургская декларация по вопросам здравоохранения и устойчивого развития, Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций и итоговый документ Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию. Обязательство по обеспечению охраны окружающей среды и устойчивого развития остается неизменным независимо от какой бы то ни было смены управления. Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами и право на самоопределение не могут нарушаться даже в условиях оккупации. Учитывая это, он поддерживает утверждение Специального докладчика, заключающееся в том, что при управлении такой территорией на оккупирующее государство возлагается общее обязательство соблюдать природоохранные законы и уважать институты оккупированной территории, а также принимать во внимание экологические факторы. Оккупирующая держава может менять существующие законы и институты оккупированной территории только с целью улучшения условий жизни населения, проживающего на этой территории.

Вооруженные конфликты негативно отражаются на окружающей среде территорий, населенных местными народами. Во взаимодействии норм гуманитарного права, права человека и права окружающей среды экологические вопросы, связанные с вооруженными конфликтами, не могут ограничиваться «окружающей средой», термином, используемым в проектах ряда принципов. По определению словаря «окружающая среда» как термин, используемый в других проектах принципов, обозначает «окружение или условия, в том числе естественные ресурсы, окружающую среду и культурное наследие, в котором человек, животное или растение живут или действуют». В этом смысле, говоря о защите окружающей среды в условиях

оккупации, можно было бы привести ссылку на Конвенцию 1972 года об охране всемирного культурного и природного наследия.

Проекты принципов 19–21 касаются регулирования деятельности в условиях оккупации. Хотя оккупация может считаться частью этапа, следующего за завершением вооруженных конфликтов, прекращение оккупации не означает, что этот этап закончился. Поэтому Специальному докладчику следует отвести соответствующее место под проекты принципов 19–21, увязанные с проектами принципов 14–18, которые касаются «Принципов, применимых после вооруженного конфликта», и которые в предварительном порядке уже приняты. В своем вступлении Специальный докладчик высказала мысль, что некоторые проекты принципов, касающихся постконфликтных ситуаций, в частности, проекты принципов 15–18, также относятся к условиям оккупации. Г-н Пак тоже предложил, что проекты принципов, изложенных в частях 2 и 3, будут применяться *mutatis mutandis* в условиях оккупации. В случае принятия решения о разделении принципов, применимых к условиям оккупации, основания для этого следует привести в комментариях.

Перейдя к рассмотрению самих проектов принципов, он говорит, что он не возражает против проекта принципа 19 (1), который предусматривает, что при управлении оккупированной территорией оккупирующее государство должно принимать во внимание экологические факторы. Это обязательство следует соблюдать и при временной, и при длительной оккупации. Складывается впечатление, что этот проект принципа действует в случае оккупации всей территории оккупирующим государством и за редким исключением не распространяется на случай оккупации вооруженными силами по поддержанию мира, предоставляемыми в распоряжении Совета Безопасности. В этой связи следует уточнить увязку между проектами принципов 7 и 8 и проектами принципов 19–21, и для того, чтобы охватить все возможные случаи, термин «государство» может было бы заменить словом «держава». Обязательство по учету экологических факторов в деятельности оккупирующих держав на оккупированной территории следует распространить на любые прилегающие морские районы и воздушное пространство над оккупированной территорией и прилегающими морскими районами. Следовательно, проект принципа 19 (1) может быть изменен следующим образом: «Экологические факторы должны учитываться оккупирующей державой при эффективном управлении оккупированной территорией, в том числе прилегающими морскими районами и воздушным пространством, где государство территориальной юрисдикции обладает суверенными правами».

Проект принципа 21 касается трансграничного загрязнения окружающей среды, но не охватывает условий частичной оккупации, при которой экологический ущерб может распространяться на незанятую часть территории. В конкретных случаях должно быть также предусмотрено обязательство по налаживанию сотрудничества между оккупирующей державой, другими соответствующими государствами и организациями, направленного на предотвращение, сокращение или контроль за любым трансграничным загрязнением окружающей среды.

Что касается будущей работы, то он согласен со Специальным докладчиком в том, что во втором докладе следует понять ряд вопросов, сопряженных с защитой окружающей среды в связи с немеждународными вооруженными конфликтами. При управлении оккупированной территорией оккупирующая держава обязана следовать принципам устойчивости, утвержденным на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию. Таким образом, в следующий доклад нужно включить новые проекты принципов, касающихся других видов природоохранной практики, такие как принцип предосторожности и принцип «загрязнитель платит». Следует рассмотреть также вопрос о контроле и принудительных мерах, касающихся качества окружающей среды, равно как и вопрос о компенсации за ущерб, нанесенный окружающей среде действиями оккупирующей державы, такими как применение ядерного оружия, в ходе конфликта и после него.

В заключение он высказывается в поддержку передачи всех проектов принципов Редакционному комитету для их дальнейшего рассмотрения и доработки.

Г-н Мурасэ говорит, что доклад Специального докладчика хорошо проработан и хорошо построен. Было бы полезно напомнить читателям, что, хотя проекты принципов, как предполагалось, должны были охватывать как международные, так и немеждународные вооруженные конфликты, нормы, регулирующие режим оккупации, применимы только к международным вооруженным конфликтам и, как таковые, проекты принципов 19–21 неприменимы к немеждународным вооруженным конфликтам.

При применении норм, регулирующих режим оккупации, необходимо четко проводить различие между «военной оккупацией» и «мирной оккупацией». Первая касается периода, в течение которого длится вооруженный конфликт, а последняя относится к постконфликтному этапу. Военная оккупация в целом считается следствием военных операций, в том числе боестолкновений, и ее законной целью является ослабление вооруженных сил врага. Необходимо признать, что, хотя некоторые бесчеловечные виды оружия и методы ведения войны запрещены, *jus in bello* или право вооруженных конфликтов является, по существу, сводом правил, которые давали разрешение на то, чтобы убивать и калечить врагов на поле боя. Защита окружающей среды при таком раскладе казалась участвовавшим в боевых действиях сторонам неактуальной заботой. Если военная необходимость преобладала над экологическими соображениями, то сторонам вооруженного конфликта разрешалось применять любые доступные средства ведения войны – в том числе в условиях военной оккупации, – если они не были конкретно запрещены правом вооруженных конфликтов.

В отличие от этого мирная оккупация продолжается после общего окончания военных действий. В таких условиях оккупирующее государство может отступать от применения общих норм, регулирующих режим оккупации, заключая специальное соглашение с оккупированным государством для регулирования вопросов, возникающих после конфликта. Такая оккупация не рассматривалась как военная, поскольку больше не преследовала целью ослабление вооруженных сил врага. Например, в конце второй мировой войны, Окинава, южный архипелаг Японии, с июня по август 1945 года находился под военной оккупацией Соединенных Штатов Америки. В течение этих двух месяцев война между материковой Японией и союзными державами продолжалась. В конечном счете война завершилась после принятия Японией Потсдамского соглашения, по существу соглашения о перемирии, которое ознаменовало собой также начало мирной оккупации. Иначе говоря, заключая Потсдамское соглашение с Японией, оккупирующие державы союзников получили возможность отступить от своих обязательств по нормам, регулиющим режим оккупации. Мирная оккупация продолжалась до 1952 года. Аналогичным случаем стала оккупация Ирака в 2003 году, когда Коалиционная временная администрации оккупировавших держав отступила от общих по нормам, регулирующих режим оккупации, опираясь на резолюцию 1483 Совета Безопасности. В связи с этим он отметил, что второе заявление сэра Майкла Вуда по проведенному в Соединенном Королевстве расследованию событий в Ираке является полезным.

Ни Потсдамское соглашение, ни резолюция 1483 Совета Безопасности не предусматривали, что стороны вооруженных конфликтов продолжат боевые действия. Эти документы, скорее, были предназначены для урегулирования постконфликтных ситуаций. Таким образом, при том, что военную оккупацию следует рассматривать как второй временный этап конфликта (в ходе вооруженного конфликта), мирную оккупацию нужно рассматривать как третий этап (после завершения вооруженного конфликта) и увязывать с проектом принципа 14, касающимся «мирных процессов». У него складывается впечатление, что аргументация Специального докладчика, может быть, в большей мере относится к мирной, а не к военной оккупации, хотя она опиралась на документы, связанные с последней. Поэтому он призывает ее рассмотреть возможность разработки отдельных положений о военной оккупации с одной стороны и мирной оккупации с другой.

Понятие «оккупации» связано только с военными действиями на суше и не обязательно с военными действиями в воздухе и на море. Поэтому он не согласен с содержащимся в последнем предложении пункта 21 доклада заявлением

Специального докладчика. Он не верит, что власть, установленная оккупирующим государством на определенной сухопутной территории *ipso facto* распространяется на прилегающие морские районы и воздушное пространство. Это разъяснено в статье 42 Гаагского положения, где говорится: «Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность». В связи с этим, даже если оккупирующее государство осуществляет эффективный контроль над прилегающими морскими участками и воздушным пространством оккупированных районов, сфера применения норм, регулирующих режим оккупации, обычно не распространяется на море и в воздушное пространство.

Основная идея норм, регулирующих режим оккупации, заключается в разграничении между владением оккупированного государства и властью оккупирующего государства. Хотя государство обычно обладает одновременно владением и властью, являющимися составными частями его суверенитета, оно теряет власть в случае оккупации иностранным государством. Несмотря на то, что оккупирующее государство де-факто обладает властью или юрисдикцией на определенной сухопутной территории, оно не может применительно к этой территории де-юре претендовать на право собственности и суверенитет. Нормы, регулирующие режим оккупации, призваны регламентировать такое осуществление фактической власти. Таким образом, в отличие от законного правительства государства, чей суверенитет *ipso facto* распространяется также на его территориальное море и воздушное пространство, даже если оно не обладает властью над этими районами, поскольку территориальное море и воздушное пространство по «принадлежности» относятся к суше, оккупирующая держава не может так распространять свою власть. Даже если оккупирующее государство установило фактическую власть над прилегающими морскими районами или воздушным пространством, территориальная сфера действия норм, регулирующих режим оккупации, не распространяется на эти области, если только в этих районах нет «населения» оккупированного государства. Таким образом, по его мнению, последнюю фразу, предложенную в проекте принципа 19 (1), «в том числе и в любых прилегающих морских районах, где территориальное государство имеет право осуществлять суверенные права», следует сопроводить оговоркой или, возможно, удалить.

Следует отметить, что конкретные обстоятельства оккупации могут существенно ограничить возможное обеспечение защиты окружающей среды. Статья 43 Гаагского положения требует, чтобы оккупант соблюдал законы оккупированной страны, «буде к тому не встретится неодолимого препятствия», тогда как статья 64 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (четвертая Женевская конвенция) оставляет за оккупирующей державой возможность отменить или приостановить в некоторых случаях действие законов оккупированной территории. Следовательно, она может приостановить действие природоохранных законов оккупированного государства, чтобы «обеспечить безопасность оккупирующей державы, [и] личного состава и имущества оккупационных войск или администрации». Случаи такого приостановления в условиях военной оккупации многочисленны. По этой причине проект принципа 19, который во многом применим к мирной оккупации после прекращения военных действий, возможно придется сопроводить оговоркой применительно к военной оккупации. Он не является сторонником эволюционного толкования и задается вопросом, на какие договорные положения предположительно опирается проект статьи.

Переходя к главе III доклада, он считает, что, хотя некоторые права, закрепленные в договорах о правах человека, такие как право на частную и семейную жизнь и право собственности, связаны с охраной окружающей среды, они больше касаются мирного времени, и их применимость в условиях вооруженных конфликтов не следует преувеличивать. В этой связи он обращает внимание на часть консультативного заключения, где речь идет о *Правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории* и где Международный Суд утверждает, что действие защиты, предоставляемой конвенциями по правам человека, не прекращается в случае возникновения вооруженных конфликтов, за исключением ситуаций, связанных с применением

положений об отступлении, подобных положениям статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах. Как последний, так и в Европейская конвенция о правах человека, допускают отступления от права на частную и семейную жизнь. Эти отступления, однако, ограничены принципами соразмерности, недискриминации и последовательности. По этой причине можно сказать, что применение норм прав человека, касающихся защиты окружающей среды, в условиях оккупации ограничено. Он озадачен отсутствием какого-либо упоминания о правах человека в трех проектах принципов, предлагаемых Специальным докладчиком, и задается вопросом, следует ли включать в них положение о том, что права человека выполняют дополнительную роль в нормах, регулирующих режим оккупации, применительно к защите окружающей среды оккупированной территории.

Что касается проектов принципов 20 и 21, то он отмечает, что проект статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров имеет отношение только к потенциальной применимости норм в мирное время, но в них ничего не говорится о точных масштабах их применимости к реальным вооруженным конфликтам. Поэтому Комиссии следует попытаться точно определить, насколько конкретная норма международного экологического права может быть применима, не вступая в противоречие с нормами, регулирующими режим оккупации. Поскольку устойчивое развитие является по существу концепцией, нацеленной на установление равновесия между экономическим развитием и охраной окружающей среды и поскольку нормы, регулирующие режим военной оккупации, не ориентированы на экономическое развитие, этому понятию не место в проектах принципов.

В соответствии со статьей 6 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, территориальное государство несет ответственность за действия органа иностранного правительства только в случае, если последний обладал элементами государственной власти суверенного государства. Поэтому он задается вопросом, на кого ложится ответственность за нарушение природоохранного законодательства – на оккупирующее или оккупированное государство. В комментарии к проекту статей, похоже, проводится мысль о том, что ситуация будет разной в зависимости от того, была ли оккупация военной или мирной.

Он решительно настаивает на том, что важно, чтобы условия этапа II (во время конфликта) и этапа III (после конфликта) рассматривались отдельно. Возникает также вопрос об условиях, складывающихся по окончании постконфликтного этапа, которые можно было бы назвать условиями этапа IV, например, наблюдаемого на Окинаве, где военные базы США создавали такие экологические проблемы, что для исправления положения правительствам Соединенных Штатов и Японии пришлось прилагать дополнительные усилия.

Он не думает, что были какие-либо прецеденты в связи с участием международных организаций в оккупации. После подписания Соглашения о военном перемирии в 1953 году Организация Объединенных Наций действовала на части территории Кореи как административный орган, а не как оккупирующая держава, как это было в Анголе, Камбодже и бывшей Югославии. Экономическое сообщество западноафриканских государств вмешивалось в конфликты в Либерии и Кот-д'Ивуар, но никогда не выступало в роли оккупирующей державы. Вооруженные силы Организации Североатлантического договора (НАТО) являлись ядром операций по поддержанию мира в бывшей Югославии, но не выступали в роли оккупирующей державы.

Он выступает за передачу всех трех проектов принципов, предложенных Специальным докладчиком, на рассмотрение Редакционного комитета.

Г-жа Галван Телиш говорит, что она поддерживает подход к этой теме, которого придерживается Специальный докладчик в своем первом докладе. Вопрос о взаимодополняемости с другими соответствующими областями международного права может быть рассмотрен в проекте принципов или конкретизирован в комментарии к ним на основе глав II и III доклада. Глава II, посвященная охране окружающей среды в условиях оккупации посредством применения международных правозащитных норм, где Специальный докладчик уделяет основное внимание праву

на здоровье, могла бы охватывать и другие права человека, которые могут быть также ущемлены в таких условиях, особенно в связи с тем, что в статье 55 дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года тоже идет речь о выживании населения.

Переходя к проектам принципов 19-21, она отмечает, что в докладе в целом удалось определить и уточнить руководящие принципы и обязательства, касающиеся защиты окружающей среды согласно международному праву в условиях оккупации. Вообще говоря, нет необходимости давать определение «оккупации» в тексте проектов принципов, поскольку она может быть определена в комментарии с учетом совокупности условий, перечисленных в пункте 23 доклада. Было бы более целесообразно использовать термин «оккупирующая держава», а не «оккупирующее государство» и для согласования с другими проектами принципов, которые уже предварительно приняты Комиссией или в Редакционном комитетом, проектам принципов 19–21 следует дать заглавия.

Изменение формулировки пункта 1 проекта принципа 19, устно предложенное Специальным докладчиком при его представлении, улучшает текст. В комментарии к проекту принципа следует пояснить, что исключительные обстоятельства могут воспрепятствовать оккупирующей державе в соблюдении природоохранного законодательства на оккупированной территории, которого от нее требует международное гуманитарное право. Чтобы охватить вопрос об оккупации самоуправляющихся территорий и аналогичные ситуации, было бы целесообразно, во второй части пункта 1 отдать предпочтение более общей формулировке, избегая терминов «территориальные государства» и «суверенные права». Для согласования пункта 2 с существующими нормами международного гуманитарного права было бы целесообразно заменить выражение «законодательство оккупированной территории» на «законы, действующие на оккупированной территории».

Она согласна с нынешним текстом проекта принципа 20, в котором следует, однако, также уточнить, что богатства и естественные ресурсы оккупированной территории нужно использовать и управлять ими в интересах местного населения, а не оккупирующей державы. Материалы в поддержку этого предложения можно найти в пункте 37 доклада.

Хотя она согласна с общей целью проекта принципа 21, его формулировку следует более тесно согласовать с выводами Международного Суда, изложенными в пункте 29 его консультативного заключения относительно *законности угрозы ядерным оружием или его применения*. Она могла бы выглядеть следующим образом: «Оккупирующая держава обеспечивает, чтобы при деятельности на оккупированной территории не страдала окружающая среда других государств или районов, находящихся вне пределов национального контроля». Эта более общая формулировка была частью свода международных правовых норм в области охраны окружающей среды. Смысл фраз «будет использовать все средства, имеющиеся в его распоряжении» и «не нанесет существенного вреда» применительно к оккупации можно было бы проанализировать в комментарии.

Она одобряет предложение Специального докладчика относительно будущей работы, изложенное в пункте 100, и согласилась с тем, что объяснение, каким образом временной подход может быть применен к условиям оккупации, следует включить в комментарий. И наконец, она выступает за передачу проектов принципов 19–21 на рассмотрение Редакционному комитету.

Г-н Петрич, ссылаясь на заявление г-на Мурсэ, говорит, что Силы для Косово (СДК) действовали в Косово в соответствии с резолюцией 1244 (1999) Совета Безопасности и оставались в стране до тех пор, пока Косово не провозгласило свою независимость в 2008 году. В течение этого периода времени Организация Объединенных Наций выступила в качестве администрации де-факто и поэтому также функционировала в качестве оккупационной державы. Точно так же международные организации присутствовали в Афганистане после падения «Талибана». Вероятность того, что международные организации могут выступать в качестве оккупационных держав, поэтому не должна быть исключена.

Г-н Хмуд, ссылаясь на замечания г-на Мурасэ, говорит, что резолюция 1483 (2003) Совета Безопасности, касающаяся Ирака, содержит призыв ко всем сторонам полностью в полной мере выполнять свои обязательства по международному праву, в частности по Женевским конвенциям 1949 года и Гаагскому положению 1907 года. Последние, конечно, связаны с применимостью права вооруженных конфликтов и соответственно с военной оккупацией. Резолюция 1546 (2004) Совет Безопасности признала завершение оккупации и расформирование Коалиционной временной администрации. Резолюция 1483 (2003) Совета Безопасности в основном касалась законности применения силы в Ираке, что явно сказалось на характере последующей оккупации.

Г-н Мурасэ, ссылаясь на заявление г-на Хмуда, говорит, что резолюция 1483 (2003) Совета Безопасности фактически призвала Коалиционную временную администрацию содействовать благополучию народа Ирака.

Г-н Мерфи говорит, что Комиссии следует проявлять осторожность при характеристике конкретных ситуаций, включая рассматриваемые ситуации, например статус перемирия на Корейском полуострове. Хотя поднят интересный вопрос, Комиссии не следует пытаться решить его в комментарии к проектам принципов. По более широкому вопросу относительно того, следует ли сформулировать проекты принципов таким образом, чтобы они распространялись на международные организации и одновременно на государства, нужно привести соображения о том, применимы ли Гаагское положение 1907 года, Женевские конвенции 1949 года и Дополнительный протокол I к ним к международным организациям в силу их полномочий или по обычному международному праву.

Хотя большинство государств, прокомментировавших эту тему в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, похоже, поддержали работу Комиссии, проделанную до настоящего времени, Чехия, Российская Федерация и Соединенное Королевство выразили мнение, что, поскольку нормы, которые сформулировала Комиссия, достаточно подробно изложены в существующих договорах, она не добавила к ним ничего особо ценного. Нидерланды выразили озабоченность по поводу расширения темы за пределы признанных существующих норм международного гуманитарного права, а Соединенные Штаты Америки призвали проявлять крайнюю осторожность, полагая, что ничего, помимо международного гуманитарного права, не способствует утверждению позиций права в рассматриваемой области.

В главе I первого доклада Специального докладчика речь идет об обязательствах оккупирующего государства, предусмотренных международным гуманитарным правом относительно защиты окружающей среды. Хорошо, что Специальный докладчик проанализировала нормы международного гуманитарного права, предусмотренные важнейшими источниками права в этой области, а именно Гаагское положение 1907 года, в частности раздел III; четвертую Женевскую конвенцию, в частности разделы I и III части III, и применительно к его государствам-участникам Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 года, в частности статью 69.

Глава II доклада, где предпринята попытка рассмотреть вопрос о применении норм международного права в области прав человека в условиях военной оккупации, менее удачна. Остается неясно, в конечном счете, как право в области прав человека повлияло на изменение или пролило свет на международное гуманитарное право применительно к оккупации. Несмотря на ссылки на возможность эволютивного толкования, доклад не дает четкого представления о том, можно ли утверждать, что положения важнейших источников права видоизменились хотя бы в отношении к вопросам здоровья. Хотя не возникло особых трудностей с текстом проектов принципов, который не содержит ссылок на право в области прав человека, не понятно, следует ли многое из того, что рассматривается в главе II доклада, включать в комментарий.

В главе III доклада рассматривается роль международного экологического права в условиях оккупации. Хотя эти правовые нормы фигурируют в проектах принципов 20 и 21, складывается впечатление, что правила, содержащиеся в них,

приведены без какого-либо реального признания в тексте проектов принципов единственной в своем роде ситуации, которую представляет военная оккупация. В частности, хотя в докладе признается многообразие проявлений военной оккупации, включая ее длительность и ведение или отсутствие активных боевых действий, а также необходимость принятия оккупирующей державой мер по обеспечению своей безопасности, проекты принципов, как представляется, используют «обычный» подход к применению международного экологического права. Всегда следует помнить, что военная необходимость может потребовать отказа от норм мирного времени, в том числе в сфере международного экологического права.

Исправленный вариант проекта принципа 19 (1), который Специальный докладчик предложила в своем вступительном заявлении, является улучшенным вариантом, содержащимся в ее первом докладе, который расширяет понятие «оккупированной территории», включая в нее районы, которые не были суверенной территорией оккупированного государства. Стандарт, сформулированный в пункте 2 проекта принципа 19, однако, представляется слишком жестким. Как признается в докладе, статья 43 Гаагского положения, на которую он опирается, не сохранилась в современном международном праве. Статья 64 четвертой Женевской конвенции установила несколько более мягкий стандарт, который предоставлял оккупирующему государству больше свободы в изменении или принятии законов, необходимых для обеспечения своей собственной безопасности и нормального управления, и, самое главное, выполнения обязательств по защите людей на оккупированной территории, в том числе их здоровья и благополучия. Любой стандарт, принятый Комиссией, должен оставлять за оккупирующим государством достаточно гибкости, позволяя ему изменять существующие законы для защиты гражданского населения на оккупированной территории, даже в случае мирной оккупации. Он предлагает следующим образом сформулировать этот пункт, чтобы более тесно увязать его со статьей 64: «Оккупирующее государство должно соблюдать действующие в оккупированном государстве законы, которые направлены на защиту окружающей среды, но может изменять такие законы, если это необходимо для выполнения обязательств оккупирующего государства перед населением оккупированной территории, для поддержания нормального управления оккупированной территорией и обеспечения безопасности оккупирующего государства».

Хотя ему нравится общая цель проекта принципа 20, его формулировка представляется проблематичной. Существующие договоры, касающиеся вопросов, которые она охватывает, в частности Гаагское положение, носили, главным образом, характер запретов, предписывавших, что могло делать оккупирующее государство, а первая часть проекта принципа 20 предусматривает более активную позицию. Он призывает оккупирующее государство управлять «естественными ресурсами» и «обеспечить» их устойчивое использование, что можно истолковать как позитивное обязательство оккупирующего государства заготавливать лес, строить плотины гидроэлектростанций, вести рыбный промысел и т. п. вместо того, чтобы не прикасаться к таким ресурсам до тех пор, пока они не понадобятся для целей военной оккупации или жизнеобеспечения гражданского населения. Комиссии не следует поддерживать подобные действиями оккупирующего государства. Кроме того, призыв к оккупирующему государству обеспечить «устойчивое использование» может толковаться как исключаящий использование невозобновляемых естественных ресурсов, таких как минералы, нефть и газ. В международно-правовых природоохранных документах термин «устойчивое использование» обычно использовался при обсуждении вопросов об океанах, биоразнообразии, пресной воде, лесах и других возобновляемых ресурсах. Употребленный в настоящем контексте он не соответствовал бы законам войны, которые позволяли оккупирующему государству добывать невозобновляемые ресурсы, если это было необходимо для покрытия расходов на оккупацию или для удовлетворения потребностей гражданского населения.

Упоминание в последнем положении проекта принципа 20 о сведении к минимуму ущерба окружающей среде кажется неуместным. Если воспринимать это всерьез, то данное положение, возможно, будет означать, что естественные ресурсы не следует использовать совсем, поскольку ущерб окружающей среде наносится при

любом использовании природных ресурсов. В ситуациях, не связанных с вооруженным конфликтом, стандарт является правильным; действительно, весь смысл понятия «устойчивое развитие» заключается не в том, чтобы свести к минимуму ущерб окружающей среде, а в том, чтобы сбалансировать такой ущерб с потребностью общества и будущих поколений использовать природные ресурсы и экосистемные услуги для обеспечения общественного благосостояния. Ни в Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды 1972 года (Стокгольмской декларации), ни в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 года (Декларация Рио), ни в целях в области устойчивого развития не упоминается о сведении ущерба окружающей среде к минимуму. Кроме того, в условиях военной операции, такой стандарт кажется особенно неуместным, потому что он, как представляется, лишает оккупирующее государство возможности использовать природные ресурсы на оккупированной территории для целей, предусмотренных Гаагским положением 1907 года, четвертой Женевской конвенцией и Протокол I к Женевским конвенциям 1949 года. Некоторые из этих проблем можно было бы решить путем внесения в текст поправок или включения в комментарий пояснений; однако, если проект принципа 19 не будет принят, то проект принципа 20, возможно, не понадобится вообще.

Общая направленность проекта принципа 21 не вызывает возражений, хотя Редакционный комитет может улучшить формулировку. Фраза «все средства, имеющиеся в его распоряжении», которая взята из пункта решения Международного Суда по делу о *Целлюлозных заводах на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая)* и, следовательно, может быть уместна и разумна в мирное время, не кажется таковой в условиях военной оккупации, особенно если последняя сопряжена с продолжением военных операций. Неразумно ожидать, что воюющая сторона, которая ведет активные боевые действия, занимая территорию, будет отвлекать «все средства, имеющиеся в ее распоряжении», на обеспечение того, чтобы деятельность на оккупированной территории не наносила значительный ущерб окружающей среде другого государства или районов за пределами действия национальной юрисдикции. Более подходящий и более мягкий стандарт может требовать от оккупирующего государства принятия «всех соответствующих мер», вторя формулировке проектов статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности, предложенных Комиссией в 2001 году. Альтернативные стандарты могут делать упор на том, чтобы действовать с должной осмотрительностью, о чем тоже упоминалось в решении по делу о *Целлюлозных заводах* и в других делах и нормативно-правовых документах. Тем не менее определение критерия «значительного» ущерба или вреда, отражающее проекты статей о предотвращении трансграничного вреда и используемое в других нормативно-правовых документах, уместно.

Что касается будущей работы по этой теме, то он поддерживает намерение Специального докладчика добиться завершения первого чтения проекта принципов в 2019 году на основе второго доклада, но не согласен с предложением г-на Нгуен о том, что следует подготовить дополнительные проекты принципов по вопросам, подобным принципу «загрязнитель платит», поскольку это может отвлекать от главной мысли темы. Цель заключается не в том, чтобы заново переписать всю область международного экологического права, особенно принимая во внимание, что многие нормы, установленные этим правом, не действуют в условиях вооруженных конфликтов. Он поддерживает идею о передаче проектов принципов 19–21 на рассмотрение Редакционного комитета.

Г-н Раджпут, выражая поддержку проектам принципов, предложенных Специальным докладчиком, говорит, что значительная часть рассуждений в ее первом докладе была основана на применении и действии иных областей международного права, помимо гуманитарного права, таких как права человека или экологическое право, в условиях вооруженного конфликта. Необходимо соблюдать осторожность при анализе взаимодействия норм. Соответствующий методологический подход применил Международный Суд при подготовке своего консультативного заключения о *законности угрозы ядерным оружием или его применения*, в котором Суд обсудил взаимосвязь между Международным пактом о гражданских и политических правах и международным гуманитарным правом. Суд заявил:

В принципе право не быть произвольно лишенным жизни применяется и в период военных действий. Тем не менее понятие произвольного лишения жизни в таком случае определяется применимым *lex specialis*, а именно правом, применимым в период вооруженного конфликта и призванным регулировать порядок ведения военных действий. Таким образом, нужно ли считать потерю жизни конкретным человеком в результате применения определенного оружия в ходе боевых действий произвольным лишением жизни в нарушение статьи 6 Пакта, можно решить только ссылаясь на право, применимое при вооруженном конфликте, и не опираясь на положения самого Пакта.

Соответственно, принципы, уходящие корнями в другие области права, могут применяться, но будут отодвинуты на задний план гуманитарным правом и будут зависеть от особенностей конфликта.

Нормы, регулирующие режим оккупации, являются первой очевидной парадигмой, отталкиваясь от которой надо определять ответственность за защиту окружающей среды после окончания военных действий пока суверенитет не возвращен тем, кто на него законно и легитимно претендует. Статья 42 Гаагского положения была признана в качестве нормы обычного международного права Международным Судом в его консультативном заключении относительно *правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории* и по делу о *вооруженной деятельности на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)*, поэтому ее статус должен соблюдаться. Она требует, чтобы власть была «установлена» и «действительно осуществлялась» на всей территории. Некоторые высказывают мнение, что даже временная потеря контроля не меняет характер оккупации; Суд, однако, настаивал на выполнении обоих требований, в частности, на том, что необходимо, чтобы власть осуществлялась на территориях, которые, как утверждается, находятся под оккупацией, как ясно следует из дела о *вооруженной деятельности*. Суд отметил также, что самого присутствия неприятельской армии недостаточно, чтобы доказать факт оккупации согласно статье 42 Гаагского положения, и что необходимо установить фактическое осуществление власти, а не просто ее существование. В интересах настоящей темы больше внимания следует уделить вопросу, когда и где на оккупирующее государство возлагается ответственность за принятие соответствующих мер по защите окружающей среды. Даже когда активные военные действия прекращены, не обязательно весь регион переходит под эффективный контроль оккупирующего государства, и поэтому желательно, чтобы Комиссия придерживалась критерия эффективности, установленного Судом, а не встречающегося в литературе предложения считать, что потеря эффективного контроля над некоторыми частями территории не отражается на оккупации. Если оккупирующее государство будет нести ответственность за ущерб, наносимый окружающей среде действиями других лиц, которые осуществляли эффективный контроль над территорией, то это может побудить такие стороны к разрушению окружающей среды.

Наличие и осуществление фактического и эффективного контроля особенно важно в условиях долгосрочной оккупации. Статья 42 Гаагского положения не предусматривает каких бы то ни было временных рамок, и последствия оккупации обязательно различаются в зависимости от того, как долго сохранялась такая ситуация. Долгосрочная оккупация, в частности, чревата потерей эффективного контроля и нанесением ущерба окружающей среде другими сторонами, помимо оккупирующего государства. В тексте проектов принципов следует употреблять термин «оккупация», и в комментарии следует пояснить, что элементы статьи 42 Гаагского положения в толковании Международного суда должны быть приняты во внимание.

Он в целом согласен с пересмотренным вариантом проекта принципа 19 (1), предложенного Специальным докладчиком в ее вступительном заявлении, но выражает озабоченность по поводу слов «право осуществлять суверенные права», которые подразумевают, что оккупирующее государство обладает некой властью или полномочиями осуществлять суверенные права в морских районах. Ссылка на «эффективное осуществление суверенной власти» была более подходящей

формулировкой. Статья 42 Гаагского положения распространяется только на сухопутную территорию, а не на морские районы, хотя можно утверждать, что понятие «территории» следует толковать широко и что Комиссии следует попытаться более тщательно разработать эту область, принимая во внимание распространение контроля на морские районы. В то же время для этого необходимо, чтобы и эти районы находились под эффективной оккупацией. Два требования, озвученных Международным Судом, еще предстоит удовлетворить.

В свете рассуждений, приведенных в пунктах 23–26 доклада, Специальный докладчик правильно решила, что не нужно определять или пересматривать употребление термина «оккупация», поскольку это нарушит относительно урегулированную ситуацию, касающуюся статьи 42 Гаагского положения и ее толкования Международным Судом.

Он поддерживает проект принципа 19 (2) в его нынешнем виде. Возможно есть соблазн предположить, что наложение более серьезных обязательств на оккупирующее государство приведет к усилению защиты окружающей среды. Однако оккупирующее государство не является законным обладателем суверенитета, и наделять его чрезмерными законодательными полномочиями не следует. Законодательные полномочия оккупирующего государства справедливо ограничены в соответствии с гуманитарным правом. Он разделяет предложение г-на Мерфи, особенно учитывая тот факт, что Соединенные Штаты Америки принимают меры по усилению защиты прав человека в Ираке. Кроме того, вполне возможно, что оккупирующее государство может пожелать ввести более высокие экологические стандарты, которые могут негативно отразиться на отечественной экономике той или иной территории. Поэтому Комиссии следует продвигаться вперед осторожно. В связи с этим комментарии будут играть решающую роль.

Что касается найденной в докладе увязки между защитой окружающей среды и имущественными правами при действии норм, регулирующих режим оккупации, то важно уточнить смысл статьи 55 Гаагского положения. В статье 55 речь идет только о государственной собственности. С большой натяжкой упоминания лесов и сельхозугодий в статье 55 могут толковаться как имеющие отношение к защите окружающей среды. Но вместо этого Специальный докладчик решила истолковать обязанность государства «сохранять основную ценность» видов «собственности», перечисленных в статье 55, как обязанность защищать естественные ресурсы, о которых в этой статье ничего не сказано. Кажется, такое толкование заходит слишком далеко. Тем не менее основополагающая концепция статьи 55, а именно узурпация, безусловно, может быть применима к естественным ресурсам. Существует определенная практика государств, которая поддерживает такое толкование. Понятие узурпации играет важную роль, так как определяет, в каких масштабах оккупирующая держава может эксплуатировать естественные ресурсы.

Неуместно применение специальным докладчиком принципа постоянного суверенитета над естественными ресурсами для защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами. Резолюции, лежащие в основе принципа постоянного суверенитета над естественными ресурсами, ни прямо, ни косвенно не связаны с нормами, регулиющими режим военной оккупации, или правом вооруженных конфликтов. Вместо этого они связаны с экономической независимостью развивающихся государств, свободой от вмешательства других государств в решение экономических вопросов и правом принимающих государств экспроприировать собственность, принадлежащую иностранцам. Кроме того, постоянный суверенитет над естественными ресурсами не имеет ничего общего с грабежом или мародерством, которые рассматриваются отдельной областью гуманитарного права, вытекающей из статьи 47 Гаагского положения и статьи 33 четвертой Женевской конвенции. Применение принципа постоянного суверенитета над естественными ресурсами будет препятствовать оккупирующему государству в использовании каких бы то ни было естественных ресурсов, что превышает сферу охвата узурпации, предусмотренную статьей 55 Гаагского положения. То же самое справедливо в отношении принципа самоопределения. Применение принципа самоопределения воспрепятствовало бы оккупирующему государству в эксплуатации естественных ресурсов территории даже

в случае соблюдения требований статьи 55. Примеры, приведенные в пункте 35 доклада, связаны с самоопределением в целом, а не с конкретными условиями эксплуатации природных ресурсов. Ссылка на самоопределение в пункте 122 *правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории*, которая упоминается в сноске 140 доклада, относится к запланированному маршруту прокладки стены, а не к эксплуатации природных ресурсов. Весьма мало оснований полагать, что в этом случае Международный Суд рассматривал вопрос о самоопределении применительно к природным ресурсам.

В докладе охрана водных ресурсов увязана с охраной окружающей среды. В пункте 36 доклада отмечено, что, поскольку статья 55 Гаагского положения применима только к государственной собственности, она распространяется на водные ресурсы, находящиеся в государственной, а не в частной собственности. В чем различие между этими двумя категориями, неясно. Конкретные обстоятельства будут меняться от случая к случаю, что сделает вынесение каких бы то ни было общеполитических рекомендаций невозможным. Рассмотрение водных ресурсов как недвижимой собственности было также проблематичным, так как в некоторых странах они считаются движимым имуществом. В любом случае это не дело Комиссии решать, являются ли водные ресурсы в данных обстоятельствах движимым или недвижимым имуществом.

Связь первого предложения статьи 53 Гаагского положения, где речь идет о движимом имуществе, с охраной окружающей среды также не прослеживается. Толкование заходит слишком далеко, если утверждать, что это предложение применимо к природным ресурсам, поскольку оно включает ссылку на движимое имущество и нефть становится таковым после ее добычи. Как следует из последних нескольких слов предложения, оно применимо конкретно к движимому имуществу, используемому для военных операций, а не к движимому имуществу вообще. Даже если нефть, действительно, является движимым имуществом, она должна будет использоваться для проведения военных операций, чтобы к ней можно было применить первое предложение статьи 53. По его мнению, лучше не заниматься такими вопросами, которые достаточно хорошо проработаны в международном гуманитарном праве либо в тексте, либо в комментарии.

Те же принципы применяются к конфискации имущества. В докладе делается попытка установить связь между частной собственностью и защитой окружающей среды. Однако уничтожение имущества не всегда запрещено. Действительно, согласно статье 53 четвертой Женевской конвенции, оно оправдано, если «абсолютно необходимо при проведении военных операций». Согласно статье 147 четвертой Женевской конвенции, уничтожение имущества влечет уголовную ответственность, если «проводилось в большом масштабе незаконное и произвольное разрушение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью». В любом случае эти вопросы явно не относятся к этой теме, и ими не следует больше заниматься.

Это обсуждение в конечном счете привело к появлению проекта принципа 20, который гласит, что оккупирующему государству следует управлять природными ресурсами на оккупированной территории таким образом, чтобы обеспечить их «устойчивое использование» и свести к минимуму ущерб, наносимый окружающей среде. Однако, согласно статье 55 Гаагского положения, уже установлен более жесткий стандарт защиты природных ресурсов, который ограничивает их использование узурфом. Не существует общепринятой и признанной формулы для определения «устойчивого использования», а узурфом является более четким и хорошо проработанным принципом. По его мнению, в проекте принципа 20 нет реальной необходимости. Он подрывает и стремится ослабить ранее установленный стандарт узурфом, что не в интересах оккупированной территории.

Переходя к проекту принципа 21, он соглашается с тем, что принцип должной осмотрительности подходит для регулирования трансграничного вреда. Должная осмотрительность не является абсолютным стандартом, но по своей природе носит субъективный характер и зависит от обстоятельств каждой конкретной ситуации. Кроме того, термин «должная осмотрительность» имеет конкретное значение в контексте экологического права. Однако, к сожалению, он не был включен

в текст проекта принципа 21. Таким образом, он предлагает заменить в проекте принципа слова «использовать все средства, имеющиеся в ее распоряжении» выражением «проявлять должную осмотрительность».

Он поддерживает идею о передаче всех предлагаемых проектов принципов 19–21 на рассмотрение Редакционного комитета.

Г-н Гомес-Робледо говорит, что Специальный докладчик обеспечила успешный переход работы Комиссии по этой теме. В настоящее время Комиссия получила сводный проект, которым в значительной мере обязана предыдущему Специальному докладчику г-же Якобссон, продолжавшей вносить вклад в работу по данной теме и после ухода из Комиссии.

Первый доклад г-жи Лехто касался существенного аспекта сферы охвата этой темы, а именно вопроса о том, адекватно ли нормы, регулирующие условия оккупации, учитывают проблемы защиты окружающей среды и, если нет, то в какой области международного права можно обратиться для того, чтобы компенсировать недостатки норм, регулирующих режим оккупации.

Анализ Специального докладчика был строгим. Он согласен с ней в том, что правовые понятия, вокруг которых строится тема, по различным причинам, развиваются. Одной из причин заключается в том, что чаяния бывших колониальных народов уже включены в международное право. Так было с правами, которые вытекают из принципа постоянного суверенитета над естественными ресурсами, которые, по его мнению, не имеют никаких ограничений, поскольку существовали даже раньше появления государства – обладателем этих прав является народ или народы.

Женевские конвенции 1949 года и Гаагское положение 1907 года не в полной мере отражают противоречие, характерное для современных условий оккупации, когда обязательство обеспечить оккупированному населению по возможности нормальную жизнь в соответствии со статьей 43 Гаагского положения наталкивается на требования, хочется надеяться кратковременного характера, предусматривающие за территориальным государством сохранение его прерогативы суверенитета.

Условия оккупации, упомянутые в докладе, не в полной мере отражают место этого явления в современном мире. Сроки сохранения таких условий, как правило, затягиваются, и поэтому Комиссии следует попытаться разработать новые нормы международного права. Помимо оккупации Палестины, Иерусалима, Голанских высот и Южного Ливана Израилем существует много других режимов оккупации или территориальных споров, при которых одна сторона ставит под сомнение присутствие другой, решая вопрос военными или иными средствами. Речь идет о Западной Сахаре в Африке; Абхазии, Южной Осетии и территории Нагорного Карабаха в бывшем Советском Союзе; районе Кашмира, который стал предметом спора между Индией и Пакистаном, а также – некоторые могут возразить – районе Тибета в Азии; и Кипре, сербской провинции Косово, а совсем недавно, Крыме в Европе. Нет оккупированных территорий в Латинской Америке, хотя там существуют собственные проблемы территориального разграничения.

Все это примеры оккупированных или спорных территорий, где ситуация остается неразрешенной или где, как представляется, по крайней мере, ей не видно конца. Стагнация является, скорее, нормой, чем исключением. В этом смысле, он задается вопросом, могут ли обязательства оккупирующей державы быть ограничены управлением территорией в виде осторожного узурфруктуария; совместима ли длительная оккупация, вообще, с требованиями устойчивого развития; в какой степени оккупирующей державе следует консультироваться с населением территории по поводу инфраструктуры или природоохранных мероприятий, необходимых для защиты окружающей среды; и в какой степени можно рассчитывать на некоторые формы позитивного сотрудничества между суверенным государством и оккупированной территорией.

Он никоим образом не предлагает Комиссии сделать выбор в пользу «трансформирующей оккупации», упомянутой в пункте 46 доклада, и одобряет

представленное Специальным докладчиком описание общих обязательств оккупирующего государства. В этой связи резолюция 1483 (2003) Советом Безопасности ясно уполномочила оккупирующую державу реформировать институты и администрацию Ирака после прекращения боевых действий. Комиссия, как представляется, не решила, нужно ли рассматривать в проекте вопрос о международных организациях.

Самый главный вопрос заключается в том, может ли и должно ли оккупирующее государство способствовать развитию оккупированной территории. Это не теоретический вопрос. При рассмотрении ситуации в Западной Сахаре Сахарская Арабская Демократическая Республика поставила под сомнение законность лицензий, которые Марокко предоставила французским компаниям на эксплуатацию и экспорта естественных ресурсов территории, что привело к появлению несколько противоречивого юридического заключения, представленного Управлением по правовым вопросам Организации Объединенных Наций.

При этом важно учитывать не только условия прямой оккупации, но и косвенной оккупации, а именно оккупации, которая является результатом создания оккупирующей державой марионеточного правительства с целью добиться закрепления оккупации с течением времени и в конечном итоге отделения оккупированной территории и создания государства под контролем оккупирующей державы. Двумя примерами тому являются создание Японией так называемых Маньчжоу-го в китайской провинции Маньчжурия и создание так называемой Турецкой Республики Северного Кипра. Еще одним примером служит так называемая Республика Косово. Она сначала была оккупирована НАТО и затем, под управлением Организации Объединенных Наций была «нормализована» Европейским союзом.

Он не касается ситуаций, которые можно отнести к категории несамостоятельных территорий, которые по-прежнему остаются на рассмотрении Специального комитета по вопросу о ходе осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам и, возможно, однажды получают независимость. Эти ситуации не входят в сферу охвата этой темы.

Однако применительно к другим ситуациям, следует определить нормы, которым должно руководствоваться оккупирующее государство при выполнении обязательства по восстановлению и поддержанию общественного порядка и гражданской жизни в условиях, приближенных к мирному времени.

В пункте 62 своего доклада Специальный докладчик справедливо ссылается на принцип соразмерности, отмечая, что обязательства оккупирующей державы должны быть соразмерны длительности ее оккупации. Таким образом, принцип поддержания статуса-кво следует толковать с учетом потребностей, обусловленных длительностью оккупации. Именно в этом разрезе следует поднимать вопрос о возможности проведения консультаций с населением.

Не стоит забывать о подходе, применяемом при решении проблемы управления естественными ресурсами, когда речь идет об общинах коренных народов. Конечно, защита окружающей среды на территориях проживания коренных народов уже рассматривалась в проекте принципа 6, который налагает на государство обязательство консультироваться и сотрудничать с затрагиваемыми коренными народами с целью принятия мер по исправлению положения после вооруженного конфликта.

Но можно пойти немного дальше. Он предлагает Комиссии вернуться к принятой в 2007 году Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, где признан ряд прав коренных народов и предусмотрены обязательства государств, которые могут включать выплату компенсации или реституцию прав на земли и ресурсы. Кроме того, в 2016 году Организация американских государств приняла Американскую декларацию о правах коренных народов.

Если эти обязательства трактовать в более широком контексте целей в области устойчивого развития, то Комиссия сможет рассмотреть вопрос о выходе за рамки

проектов принципов 20 и 21, изучая возможность охвата ими условий длительной оккупации и необходимости принятия мер, не ограничивающихся простым управлением естественными ресурсами, а также включения обязательства проводить консультации и привлекать к участию затронутое гражданское население. Прецедентное право Межамериканского суда по правам человека может оказаться полезными в этом отношении. Он напомнил, что суд заслушал ряд дел, связанных с коренными народами Гватемалы и Парагвая.

Он выступает за передачу проектов принципов 19–21 на рассмотрение Редакционному комитету.

Заседание закрывается в 12 ч 05 мин, с тем чтобы позволить Редакционному комитету по императивным нормам общего международного права (jus cogens) провести свое заседание.